

Сов. культура - 1988 - 9 мнв.

ЧЕХОВСКИЙ

Все свершилось незаметно и быстро. Трудно было поверить, чтобы так — без многолетних предварительных переговоров и согласований — осуществился хороший замысел. Советской актрисе Вере Васильевой сыграть Раневскую в спектакле «Вишневый сад», поставленном советским режиссером Александром Вилькинским, оформленном советским художником Василием Валериусом, воплощенном польскими актерами в городе Щецин. Идея этих малых гастролей возникла у руководителей Театра Польского Анджея Мая и Ядвиги Кендзерской и была поддержана Министерством культуры СССР. И вот мы в Щецине.

Репетиции. Порой два раза в день. Шесть спектаклей. А днем — встречи с лицеистами, с учащимися техникума, со студентами филологического факультета Щецинского университета, с активистами Общества польско-советской дружбы, пресс-конференция с театральными критиками.

В лицее на встрече со старшеклассниками стихийно возник «пушкинский урок». Мы спросили их, какого молодого героя ждут они на сцене театра, на киноэкране. К удивлению и явному смущению педагогов, был назван Евгений Онегин. Может быть, и

в шутку. Молодые люди только что прочли пушкинский роман в соответствии с программой. Но наша готовность говорить всерьез о пушкинском произведении — о его жизни в веках и сегодня — минута за минутой делала встречу все интереснее, более глубокой. И для них, и для нас. Классика и современность, прошлое и настоящее снова объясняли друг друга.

В техникуме мы попали на урок русской литературы. В кабинете на стене — портрет А. П. Чехова. На доске была написана тема занятия: рассказ Чехова «Смерть чиновника». Невольно возник «чеховский урок». Он мог быть продолжительнее. И не только в этом классе.

И в чеховском «Вишневом саду» польские зрители слышали созвучие своим настроениям, своему сегодняшнему мироощущению. Сразу же, с первого спектакля, возникло доверие, понимание, хотя В. Васильева играла на русском языке. Было ясно, что зрителим нравятся спектакль, Чехов, и они с радостью вернулись к нему на время гастролей советской актрисы. Но постепенно становилось очевидным самое основное. И актерам, и зрителям Театра Польского в Щецине необходимо то состояние, на которое их

настраивал этот спектакль. В напряженной, неоднозначной жизни современного человека художественное завещание великого русского драматурга, слово Чехова, было услышано, воспринято. Потому что оно не

попрекает, не разоблачает. В той или иной степени оно обращает каждого к тому, что нам помогает оставаться людьми. Не с помощью готовых рецептов, формул доброты и любви. Но тем, что во власти подлинного

УРОК

искусства. Помочь увидеть жизнь, себя в настоящем свете. Так, чтобы захотелось жить по-настоящему, по-человечески.

...Прощальный спектакль. После трагического хорала (музыка советского композитора О. Янченко), после того, как угасал огонек лампы забытого Фирса, а шум аплодисментов снимал «звук лопнувшей струны, замирающий, печальный», и стук топоров по вишневым деревьям, на сцену, взявшись за руки, выходили на поклоны все участники спектакля. Овации не смолкали. Снова и снова общий поклон актеров. И вдруг они замечают, что кого-то нет среди них. Нет Богдана Янишевского, игравшего Фирса. Расступаются, вызывают его общим взглядом из глубины сцены. Оттуда тихо идет Фирс. И зрители, только что пережившие и прощание Раневской с домом, и последние тихие слова Фирса: «Жизнь-то прошла, словно и не жил...», будто чуть подаются вперед. Все вместе, навстречу сцене, на которой объединились сейчас все персонажи «Вишневого сада», польские актеры и среди них Вера Васильева. И кажется, что в этом общем чувстве общее обещание — не забыть, не оставить, помнить, любить.

А. КУЗИЧЕВА.